

Ю. А. НАУМОВА

РАНЕНИЕ, БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ
В ПОВСЕДНЕВНОСТИ РУССКИХ ВОЙСК
В КРЫМСКУЮ ВОЙНУ

Смертью своею никого здесь
не удивишь. К ее торжеству все
привыкли. Умереть — здесь дело
весьма обыкновенное

П. В. Алабин

Самому яркому сюжету Крымской войны — севастопольской обороне — посвящены многочисленные труды, как научного¹, так и публицистического характера². Описывая героизм защитников, авторы чаще всего избирают для примеров подвиги особо колоритных героев: матроса Кошки, мальчика Коли Пищенко, профессора Н. И. Пирогова и других. Порой этими яркими рассказами оттеняется настоящая осадная жизнь, с ее однообразными тяжелыми буднями, страданиями, болью и смертью, которые являются неразлучными спутниками военных действий. Последнее, если можно так выразиться, является «изнанкой» любой войны. Именно ей посвящена данная статья. Мемуарное наследие участников войны³ в це-

1 См., например: Гершельман С. К. Нравственный элемент под Севастополем. СПб., 1897; Зайончковский А. М. Оборона Севастополя. Подвиги защитников. СПб., 1899; Тарле Е. В. Город русской славы: Севастополь в 1854–1855 гг. М., 1954.

2 См., например: Валуева (Мунт) А. П. Севастополь и его славное прошлое. СПб., 1899; Троицкий Д. И. Севастополь. Очерки и рассказы из истории Крымской войны. СПб., 1905.

3 См., например: Алабин П. В. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 годах. Ч. 2–3. М., 1890–1891; Бабенчиков В. П. День и ночь в Севастополе. Сцены из боевой жизни (из записок артиллериста) // Военный сборник. 1875. № 8. С. 315–364; Вроченский М. А. Севастопольский разгром. Воспоминания участника славной обороны Севастополя. Киев,

лом позволяет попытаться выделить основные штрихи субъективного переживания угрозы жизни и здоровью, включая определенное отношение к медицинской помощи, человека в русском мундире.

Следует отметить, что практически все опубликованные воспоминания о Крымской войне принадлежат перу офицеров, потому выводы о положении нижних чинов можно делать только со слов их военных начальников. В качестве источников нами привлечены были также воспоминания медиков и сестер милосердия⁴, которые были главными свидетелями страданий защитников Севастополя.

Как известно, первые военные действия Крымской войны разворачивались на Дунае и Кавказе. Особо стоит сказать о войсках, действовавших на Кавказе, которые, по причине постоянной военной практики в этом регионе, считались среди российского офицерства в плане боевой подготовки лучшими. Подполковник П. К. Меньков, который состоял при главном штабе сначала на Дунае, а потом в Севастополе и вел журнал военных действий, в своих записках жаловался, что любого военного, прибывшего с Кавказа, считали героем, и чаще всего незаслуженно⁵. Как бы там ни было, севастопольские офицеры сожалели, что кавказские войска не принимали участия в обороне вместе с ними. Генерал-майор М. Лихутин, заведовавший штабом Эриванского отряда, указывал на то, что войска, действовавшие на Кавказе, выносливее и опытнее в походе, чем войска, действовавшие в Европе: «Кавказский солдат знает как надо ходить в походе, чтобы менее утомиться... Войска воюющие в Европе, более или менее находят все готовым или удобным добыть скоро, и в здешних пустынях станут в затруднение. Искусство доставлять себе свой возможный комфорт сохраняет здоровье и силы, а крепость тела имеет влияние на бодрость духа»⁶.

1893; Ершов А. И. Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. СПб., 1858; Колчак В. И. Война и плен. 1853–1855 гг. СПб., 1904; Лихутин М. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 гг. Из записок о военных действиях Эриванского отряда. СПб., 1863; Милошевич Н. С. Из записок Севастопольца. СПб., 1904; Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Т. 1. СПб., 1872; Степанов П. И. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник. 1905. № 6, 9. С. 37–48. № 10. С. 39–48.

⁴ См., например: Бакунина Е. М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины // Вестник Европы. 1898. № 3; Генрици А. А. Воспоминание о Восточной войне 1853–1855 гг. // Русская старина. 1877. Т. 20; Лашкевич М. Г., Розенбергер К. О. Практико-медицинские замечания, выведенные из наблюдений в прошедшую войну // Морской сборник. 1859. Т. 42. № 7; Л-ский И. Впечатления военного врача в Крымскую кампанию // Русский вестник. 1873. Т. 106. Кн. 7.

⁵ Меньков П. К. Записки Петра Кононовича Менькова. Дунай и немцы (Восточный вопрос 1853–1855 гг.). Т. 1. СПб., 1898. С. 39.

⁶ Лихутин М. Указ. соч. С. 322.

Постоянные военные действия закаляли этих людей, приучили их к выносливости и бдительности: «Побывали бы на Кавказе, так не расспрашивали бы — как же да как же? А держали бы ухо остро и почаще бы Бога вспоминали. Там хоть на самой веселой свадьбе пируй, а все-таки кинжал за пазухой придерживай, да по сторонам оглядывайся»⁷. Неудачи в этих войсках рождали не уныние и нерешительность, а негодование и жажду мщения. Не стоит забывать также, что все три года Восточной войны Отдельный Кавказский корпус, действовавший против турецких войск, одерживал только победы. «Победа возвышает дух. Все предвидели дальнейшие движения, не хотели отставать и желали быть участниками хотя нравственных удовольствий, которые должна была предоставить нам выигранная битва. В нашем положении одно уже свободное вторжение в неприятельскую землю была награда победителей, потому что в этом каждый солдат видел свое достоинство и наше превосходство: «попирать землю врага, как говориться, есть наслаждение!»⁸. В такой атмосфере солдаты легче переносили физические страдания. Легко раненные не хотели оставлять рядов, их перевязывали в батальонах и сотнях. «Везде были движение и жизнь. Кругом лежали убитые; часто слышались стоны раненых и умирающих; но звуки жизни и радости вырывались из рядов и кучек солдат и казаков; везде слышался говор, как ликование победы... все были счастливы»⁹. Этот особый дух победы на Кавказе осознавал новый главнокомандующий Н. Н. Муравьев, который принял командование над отдельным корпусом в 1855 году. В своих указах он приводил в пример легенду былых времен — П. С. Котляревского. Князя В. О. Бебутова прилюдно благодарил за заслуги и за отличное войско, указывал, что если суждено одержать новые победы — то это заслуга предыдущих кампаний. Но даже среди кавказских войск оборона Севастополя вызывала удивление, перевод в Крымскую армию (по собственному желанию или приказанию начальства) офицеры воспринимали как удачу. Уже столкнувшись с севастопольской действительностью, один из них, прикомандированный из Кавказа в Крым ординарцем контр-адмирала В. И. Истомина, Д. И. Никифоров вспоминал: «Наступившая севастопольская кампания выбила у меня из памяти кавказские прогулки с потерей во время перестрелок одного или двух человек. На Малаховом кургане, куда я попал по приходу в Севастополь, сперва мы считали убитых и раненых десятками, потом сотнями, а бывали и тысячи»¹⁰.

Среди дунайских войск в 1853 году было много новичков военного дела. Недавние выпускники Военной академии Генерального шта-

⁷ Из дневника раненого офицера // Библиотека для чтения. 1856. № 9. С. 28.

⁸ Лихутин М. Указ. соч. С. 104.

⁹ Там же. С. 109.

¹⁰ Никифоров Д. И. Кавказ и Севастополь. М., 1901. С. 17.

ба, необстрелянные офицеры шли на свое первое военное дело, полные высокого патриотического чувства. Можно уверенно сказать, что понятие долга перед отечеством и императором было в высшей степени развито в офицерах армии Николая I. Именно под влиянием этого чувства многие из них добровольно отправились на войну в Севастополь. Среди них Н. С. Милошевич, человек уже немолодой, семейный, переживший энтузиазм и увлечения, свойственные первой молодости. На вопрос, почему он попросился в севастопольский гарнизон, ответил: «Никаких расчетов у меня не было и не могло быть; просто-напросто я был сыном своего времени, того великого времени, когда в русском обществе царил дух высокого патриотизма и народной чести. В этом отношении я нимало не выделялся из среды, в которой жили тогда, и то, что сделал я, готов был сделать каждый из моих товарищей; лично мне принадлежала лишь настойчивость в достижении намеченной цели. Чувство воинской доблести держалось вообще очень высоко в русской армии в царствование покойного Императора Николая Павловича; неравная борьба с коалицией еще более подняла это чувство, и оно то направляло носящих военный мундир в Севастополь, вопреки всяким расчетам. Если б в массе русских офицеров того времени преобладали личные расчеты, которые охватили ее через год по окончании Крымской войны, разве была бы возможна Севастопольская эпопея»¹¹. Помимо чувства патриотизма и желания жертвовать жизнью за отечество, молодыми офицерами, отправившимися в Дунайские княжества, двигал еще интерес к новым местам, возможность получить новые сильные ощущения. Безусловно, присутствовала карьерная и материальная заинтересованность. Для молодого поколения это был, прежде всего, повод отличиться, а война с Турцией, которую они не считали серьезным противником, предоставляла для того обширную арену действий. Для людей менее пылких заграничный поход был интересен удвоенным жалованьем. Были и своего рода авантюристы, которым надоедало сидеть на одном месте. Но, прежде всего, офицерами николаевской армии руководило чувство долга и чести.

По словам военных начальников, солдаты также шли на войну охотно. Старший адъютант генерала Павлова П. В. Алабин писал об отправлении 11-й пехотной дивизии, в которой он служил: «Ныне солдат вполне доволен своим настоящим: этот поход хоть век не кончайся, солдату он не надоест; он ему гораздо приятнее тех зимовых квартир, которые у нас были, например, в Полесье, в Овручском, да в Луцком уездах, где солдаты стали было хворать, а несчастные полешуки, конечно не получающие пайка, которым единственно питались наши солдаты, пухли от голода. Солдат рад радехонек, что ушел от волынской холеры, доволен, что стоит отличная, хотя жаркая погода, и может быть, ждет в будущем не-

11 Милошевич Н. С. Указ. соч. С. 1–2.

знакомому ему еще упоения битвы!»¹². Упоминание об относительно приятном для солдат дунайском походе можно встретить у старшего адъютанта генерала С. П. Бутурлина Н. Г. Залесова, который привел слова одного капитана: «И солдатикам-то не в пример вольготнее, даром что переходы верст в сорок отмахивают. Мясную порцию получают чуть не каждый день, водочку три раза в неделю пьют, учений почти никаких, а если б Бог дал амуницию поудобнее, так и горевать бы не о чем»¹³.

Одним из самых ярких моментов, о которых вспоминали молодые офицеры, безусловно, было ощущение первого в их жизни боя. Для многих из них война представлялась в романтическом свете. Они говорили о поэзии боя, о немеркнувшей славе, которой они обязательно себя украсят при первой к тому возможности. «Молодежь была в восторге; боя ждали как желанного пира, как радостного праздника; старики своими рассказами о минувших подвигах еще сильнее распалили военный жар, — в таком возбужденном состоянии находился П. В. Алабин и его товарищи накануне их первого боя, — Даже между солдатами не было, казалось, человека, который бы думал об усталости, который не был бы готов отказаться от привала, столь желанного во время обыкновенных переходов и столь досадного теперь; не было человека, который не хотел бы, не останавливаясь ни на минуту, идти на недруга! ... Завтрашний день с последующими за ним рисовался пред каждым радужными красками надежды; заманчивость загадочного будущего была так велика, что никому и в голову не приходила возможность завтра, послезавтра покончить все расчеты с жизнью. Казалось, самый проникательный физиономист не нашел бы на этих одушевленных лицах ни печальной думы, ни грустной мысли. Души всех настроились близостью великих событий на такой возвышенный лад, что всякий искал, каким бы хорошим делом ознаменовать это поэтическое ожидание кровавого пира!»¹⁴. Дивизионный квартирмейстер Л. Н. Клуген, вспоминал, что мысль о возможном бое привела его в такое волнение, что он не спал всю ночь¹⁵. По свидетельству Алабина, офицеры не осознавали возможность ранения, физической боли, возможно, даже смерти, как нечто реальное. Их не пугала изнанка войны, они о ней еще не задумывались. А если и проносилась в голове мысль о ранении или смерти, то она неизбежно облекалась в те же формы восторга, как и сам бой: «Смерть в бою всегда желанна и завидна»¹⁶. Но вот желанный час настал. Ощу-

12 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 2. М., 1890. С. 38.

13 Залесов Н. Г. Записки адъютанта // Русская старина. 1903. № 12. С. 535.

14 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 2. М., 1890. С. 104.

15 Воспоминания о Дунайской кампании 1853–1854 годов // Военный сборник. 1873. № 1. С. 187.

16 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 91.

щения первого боя потрясли Алабина до глубины души, этот день он помнил как никакой другой; последующие более кровавые события при обороне Севастополя не оставили в нем такого яркого следа, как довольно-таки посредственное, с военной точки зрения, Олтеницкое сражение 23 октября 1853 года. Но самое тяжелое впечатление на автора произвел перевязочный пункт, куда он был послан по своим обязанностям старшего адъютанта: «Что бой со всеми его ужасами сравнительно с этими несколькими комнатами, облитыми кровью, с мрачными лицами умирающих, озабоченными лицами врачей, едва успевающих делать операции, страдальческими лицами тех, кому их сделали, или ожидающих своей очереди с перебитой ногой или оторванной челюстью!»¹⁷. Действительно, в пылу боя, увлеченности не сразу отдаешь отчет в происходящих вокруг тебя событиях. Нервы напряжены до предела. Многие вспоминали, что в этот момент даже не всегда чувствовалась боль от полученной раны или контузии. Один из участников Альминского сражения, которого свалила с ног взрывная волна, с трудом заставил себя встать, боясь обнаружить, что у него уже нет ног. Но после боя, когда увлечение проходило, военная жизнь представляла во всей ее устрашающей наготу. Безусловно, картины человеческих страданий, осознание потери близкого, еще вчера здравствующего человека, совершали определенный нравственный переворот в душе юных воинов. Свидетельства участников показывали, что чаще поэзия войны умирала не во время первого увиденного сильного огня неприятеля, а от зрелищ последствий этого огня. Такой же новичок военного дела, как и Алабин, артиллерийский офицер А. И. Ершов, сам вызвался в Севастополь. Представляя себя будущим героем, он не думал о грозящей ему опасности: «Но в эту ночь оно было так: мало того, что я не думал о ранах, о смерти, обо всем горе, — но я не поверил бы ни во что худое для меня собственно. Даже мысль о том, что я могу быть убит завтра, в своей квартире, при первом обходе укреплений, меня не касалась. Увидеть Севастополь, примкнуть к ряду его защитников — и тотчас же быть убитым — какой вздор! Неужели для этого я ехал так долго и кончаю мой путь так весело?»¹⁸. Его встреча с войной, в отличие от Алабина, произошла не на поле брани, а около стен перевязочного пункта. Ершов из любопытства решил взглянуть на раненых, которых еще не видел. «Со мною случился нравственный переворот: меня разом оставили все радужные мечты поэзии, все одуряющие картины боя, так привлекательные вдали, от действительных ужасов войны. Мне стало жутко, больно, страшно за себя, стыдно за свою прапорщичью восторженность»¹⁹. Подобное потрясение при встре-

17 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 2. М., 1890. С. 121.

18 Ершов А. И. Указ. соч. С. 3.

19 Там же. С. 18.

че со смертью пережил юнкер В. И. Колчак. Прибыв в Севастополь почти сразу после пасхального бомбардирования (28 марта — 7 апреля 1855 года), он застал груды мертвых тел на одном корабле. Картина уже довольно привычная для глаз гарнизона, оказала сильное впечатление на юношу: «На палубе лежали убитые на бастионах — какая-то куча окровавленных шинелей. Кое-где за бортом свешивались руки и ноги, обутые в толстые сапоги. Исхудалые, бледные лица, у некоторых израненные, запекшаяся кровь, широко раскрытые глаза, застывшие судороги жестоких предсмертных страданий... Тяжелое, ужасное настроение, и никогда не изгладится оно из памяти того, кто хоть раз его пережил!»²⁰.

Эти воспоминания можно было бы продолжать. Первая встреча с такой стороной войны, как страдание от ран и смерть, на всех производила впечатление самое тяжелое, в душе поднимался естественный страх, побороть который в себе мог не каждый. Так кондуктор морской артиллерии М. Венецкий, потрясенный картиной человеческих страданий, не мог равнодушно смотреть на госпитальные носилки²¹. Справедливости ради надо сказать, что бывали натуры не столь впечатлительные. После попытки атаки Туртукайского острова 1 марта 1854 года, ее участник армейский офицер Л. Н. Клуген пошел на батарею, служившую перевязочным пунктом, куда свозили убитых, так как раньше еще не имел возможности видеть подобного: «В некоторые мертвые лица я вглядывался пристально; но ни спокойно-величавое выражение иных, ни даже обезображенное лицо одного солдата, которому пуля пробилась череп, пройдя через затылок и разорвав нос, и которого по его особенному хрипению сначала приняли еще за живого, — ничто в этой картине не произвело на меня, против ожидания, потрясающего действия. Быть может, это было результатом сильного напряжения собственных нервов от усталости, от предыдущей бессонницы и от испытанных в огне ощущений»²².

В любом случае, первое близкое столкновение с войной срывало романтическую пелену с глаз и заставляло смотреть на военные действия более холодно и расчетливо. Положение новичка, впервые попадающего под выстрелы, иногда сравнивали «с положением человека, внезапно окачиваемого водой. Это сравнение, как по силе, так и мгновению впечатления, довольно верно»²³. Артиллерийский офицер В. П. Бабенчиков совсем юношей встретил свой первый бой 5 октября 1854 года — первую бомбардировку Севастополя. «Бой был в полном разгаре, но совершенно не соответствовал моим о нем представлениям. Я был еще очень молод; желание отличиться, сделать что-нибудь необыкновенное было во мне весьма сильно.

20 Колчак В. И. Указ. соч. С. 31.

21 Венецкий М. Война и плен. Из воспоминаний молодости. Б. м., 1858. С. 17.

22 Воспоминания о Дунайской кампании... // Военный сборник. 1873. № 2. С. 337.

23 Бабенчиков В. П. Указ. соч. С. 333.

Не раз мечтались мне корабли, подходящие к батарее с тем, чтобы ворваться в бухту Севастополя. Вот один из них, пробитый насквозь удачными выстрелами, уже тонет; другой, взорванный, взлетает на воздух; третий, полуразбитый, обращается в бегство; прочие, не смея и думать о прорыве, спешат удалиться... Не то было на самом деле»²⁴. Бабенчиков неоднократно в течение боя пытался увенчать себя славным подвигом. Но бастионный бой шел по своим правилам, и несмотря на свои попытки, автор так и не нашел способа «отличиться» и «выйти из общего уровня». «Мечты мои совершить подвиг окончательно рушились. Так разлетаются надежды пылкой юности, идеальные представления о бое»²⁵.

Насколько тяжелым был бой, настолько сладостным казался после него бивуачный отдых. Безусловно, что общее настроение лагеря зависело от результата сражения, но, независимо от того, среди людей, собравшихся у бивуачного огня, обычно царил только один дух — дух торжества жизни над смертью. «После опасности сражения и возможности смерти, после принесенных жертв самоотвержения, душевной борьбы, нравственных усилий и готовности пасть, жизнь будто вновь возвращается, все ее мелочи выказываются с их лучшей стороны и получают большую цену и прелесть»²⁶. Ночь после ольтеницкого сражения Алабин провел без сна. Последующие военные действия уже не вызывали у него столько восторга. Да и солдаты, уже побывавшие в сильном огне и видевшие его роковые последствия, вступали в новый бой не с таким увлечением, как в первый раз²⁷. Алабин, на правах опытного обстрелянного офицера, вспоминал следующий курьезный случай. Перед осадой Силистрии он познакомился с недавним выпускником Военной академии Генерального штаба Лавровым, тот восторженно ждал бой. Когда мимо них пролетела пуля, то Лавров, узнав, что это была пуля, снял фуражку и перекрестился со словами, что это его первая встреча с пулей. У Алабина этот поступок вызвал усмешку²⁸. Впоследствии своей отвагой и презрением к смерти при обороне Севастополя Лавров завоевал искреннее уважение сослуживцев. После окончания дунайской кампании дивизия Алабина была направлена в Крым. Они подошли к Севастополю 23 октября 1854 года, накануне намеченного крымским военным командованием сражения. Задействовать в нем предполагалось и дивизию Алабина. Узнав, что ему завтра предстоит бой, автор записал в своем дневнике: «Но при всем том надо сказать, что канун Ольтенецкого дела был несравненно живее и одушевленное. Моложе ли мы были целым годом или меньше

у нас теперь в душе надежды на успех, чем было ее тогда, как мы шли смахнуть врага с занятой им местности — одним веянием наших знамен, одним ударом штыка, или горький опыт виною не совсем радостного настроения нашего духа, — опыт, убедивший нас, как переменчива судьба битв и как тверды бывают препоны, воздвигаемые обстоятельствами мужеству и отваге человека»²⁹. После Инкерманского сражения 24 октября он был послан на перевязочный пункт, но картины увиденного уже не вызывали у него таких сильных эмоций, как при Ольтенице. Здесь было сочувствие страдальцам, негодование на административные беспорядки, но предыдущего ужаса уже не было: «Что же делать, такова уже судьбина битв»³⁰.

Через некоторое время Алабин был переведен в севастопольский гарнизон. Оборона Севастополя была беспрецедентным явлением в военной истории России. Первую бомбардировку города 5 октября 1854 года по мощи ее артиллерийского огня многие защитники называли «страшным судом». Н. С. Милошевич говорил об этом дне: «Книжные наши понятия о бомбардировках оказались никуда не годными. Первая бомбардировка 5 октября, по новизне своей, произвела на первых порах едва не панику между обороняющимися, и в некоторых местах матросы начали было покидать свои пушки; но скоро все осмотрелись и стали отстреливаться спокойно и самоуверенно, в особенности, когда заметили, что из неприятельской пальбы выходило более грома, чем действительного вреда собственно для артиллерийской прислуги, по той причине, что неприятельские батареи были далеко и стреляли преимущественно сплошными снарядами (ядрами), падавшими за укреплениями»³¹. Начиная с этой бомбардировки, на протяжении всей обороны Севастополя, его защитникам каждый день приходилось жить в такой близости со смертью и физической болью, что сам факт жизни гарнизона в подобной обстановке современниками приравнивался к подвигу. Начало ему положено в тот момент, когда, встретившись лицом со смертью, севастопольский гарнизон продолжил выполнять свой воинский долг. Надо сказать, что защитники так и не смогли до конца смириться с ужасом бомбардировок, каждая последующая описывалась ими в тех же тонах, что и первая. Каждую называли небывалой в истории и считали адом. Но именно 5 октября стало для жизни осажденного города своеобразным рубежом. Преодолевшие его приобрели веру в свои духовные и физические силы, которая, впоследствии, в короткое время передавалась вновь прибывающим войскам. Если и были случаи, когда матросы под градом снарядов первой бомбардировки уходили со своих позиций, то эти явления паники были единичны и вскоре преодолены. Артиллерист В. П. Бабенчиков, находясь в тот день на шестом

24 Там же. С. 335.

25 Бабенчиков В. П. Указ. соч. С. 337.

26 Лихутин М. Указ. соч. С. 109.

27 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 2. М., 1890. С. 114.

28 Там же. С. 143.

29 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 87.

30 Там же. С. 103.

31 Милошевич Н. С. Указ. соч. СПб., 1904. С. 23.

бастионе, вспоминал, что не все характеры были настолько твердыми, чтобы, похоронив в себе всякое чувство, спокойно смотреть в глаза опасности, как бы велика она ни была. «В особенности это случается в первом бою, когда собственная неопытность и сила воображения представляют опасность в удесятеренном значении»³². Он говорил о поведении одного старика-матроса, которого все уважали, и до сих пор не было повода заподозрить его в малодушии. Он честно служил во славу Черноморского флота, но во время бомбардировки так растерялся, что бессознательно повторял: «Вот когда мы пропали!». Только после спокойной шутки юного офицера, старик, конфузясь, пошел выполнять свою работу.

Для шестого бастиона, бомбардируемого с моря неприятельскими кораблями, 5 октября был тяжелый, но увлекательный бой. «Вопрос шел не только о жизни и смерти, но о чести оружия, достоинства войска; славе отечества, — вспоминал Бабенчиков. — Неудивительно, что сердца у всех забились сильнее, кровь взволновалась, одушевление достигло высочайшей степени. Человек перестал быть человеком. Он весь превратился в увлечение. Увлечение было так велико, что орудийная прислуга для ускорения стрельбы решилась вовсе не прикрываться бруствером. Смутно сознавалось, что при такой громадной силе бруствер был ничтожною защитой. Заряжать, прикрываясь им, было бы и бесполезно, и неудобно и медленно; тогда как настояла надобность стрелять как можно скорее, чтобы быстротою стрельбы вознаградить слишком малое число орудий. Сознавалось, что если надлежало погибнуть неминуемо, то следовало погибнуть достойно и мужественно, не рассчитывая ни на прикрытие, ни на соразмерность сил, а нанося врагу возможно большее поражение в высшей степени ускоренною стрельбою из тех немногих орудий, которыми приходилось отбиваться от неприятеля. Такое сознание возникло само собою мгновенно, и также мгновенно выполнено самими солдатами, без всякого приказания или наставления. Приказать орудийной прислуге действовать, не прикрываясь бруствером, было не только невозможно, но и неблагоприятно. Точно также было невозможно и еще более неблагоприятно воспрепятствовать такой способ действия, как единственный, дающий возможность состязаться с несоразмерно сильнейшим неприятелем»³³. Но это увлечение первым боем уже через несколько дней стало проходить. Севастополь выдержал первую бомбардировку, его последующая жизнь превратилась в тяжелые однообразные будни осажденного города, когда каждый день людям приходилось выполнять одну и ту же работу, и каждый день складывать в мертвецкий угол павших. Чем дольше продолжалась осада, тем тяжелее было нравственное и физическое положение защитников. Как метко выразил-

32 Бабенчиков В. П. Указ. соч. С. 328.

33 Бабенчиков В. П. Указ. соч. С. 330–331.

ся Алабин, это было «систематическое, истомляющее нас кровопускание»³⁴. Солдаты и матросы ждали боя, а вместо этого вынуждены были сидеть за брустверами и методично направлять орудия в сторону таких же брустверов. Осадная война, в отличие от полевых сражений, была тяжелее и физически, и психологически. Переутомление, раздражение от невозможности ближнего боя, тяжелая атмосфера переполненного людьми города, душного «от бесчисленного множества гниющих нечистот, покрывающих все углы его и закоулки, все дворы, даже площади и улицы»³⁵, угроза постоянной смерти и боли — вот те немногие характерные черты осажденного Севастополя, которые мы находим в воспоминаниях участников обороны. Со временем пребывание в стенах осажденного города рождало в его защитниках равнодушие и к жизни, и к смерти. Юный офицер Ершов после нескольких месяцев в Севастополе уже не так эмоционально относился к кровавым сценам, как во время своего первого визита на перевязочный пункт: «При встрече на пути с окровавленными носилками не испытывалось уже, как бывало, — какое-то невольное неприятное, неловкое чувство, похожее весьма на страх. Теперь равнодушным взором смотрелось на подобное зрелище. Порой даже и вовсе не обращалось на это внимания; как на что-то неизбежное, как на свист пуль»³⁶. М. А. Вроченский, находившийся в составе севастопольского гарнизона с ноября 1854 года, вспоминал: «Внутреннее состояние человека в такое время не поддается анализу — утомление без меры и нервное напряжение, большею частью, приводят в состояние полного равнодушия к жизни и всему окружающему и тогда, исполняя свои обязанности, ждешь только своей очереди — или прогуляться на носилках к перевязочному пункту, или разом успокоиться навеки от всяких тревожностей житейских»³⁷. Венецкий прибыл в Севастополь в июле 1855, в осажденном городе он пробыл только два месяца, но зато какие это были месяцы! К этому времени равнодушие к военным опасностям дошло в городе до своего предела. «Все точно одеревенели, — вспоминал юнкер В. И. Колчак. — Неизбежность смертельной опасности на каждом шагу, буквально каждую секунду, в течение долгих месяцев примирила и солдат, и офицеров с окружающей их невероятной обстановкой. Как пчелы возле улья, жужжат штуцерные пули, стон стоит от беспрестанных разрывов гранат и бомб, — а тут вези порох, тащи туры, воду и прочее. Поневоле привыкли. Спокойной вереницей плетутся солдаты с пустыми котелками за кашей; тащится полуфурок на тройке заморенных непосильной работой лошадей; возвращаются на бастион с окровавленными носилка-

34 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 372.

35 Там же. С. 348.

36 Ершов А. И. Указ. соч. С. 220.

37 Вроченский М. А. Указ. соч. С. 199.

ми носильщики; медленно тянутся гуськом еще солдаты с тяжелыми мешками земли на плечах. Навстречу им попадает раненый: осколки камней и песок окровавили ему лицо, выворотили целые куски мяса и кожи, он стонет от неистовой боли. „Эк тебе портрет-то разворотило!“ — с самой добродушной усмешечкой замечает один из солдат. Кругом разом загремел дружный хохот. Души огрубели от постоянного вида самых разнообразных по жестокости смертей — от унесенного ядром живота со всеми внутренностями до мясного дождя из останков и пыль разнесенного бомбой человека»³⁸. Венецкий, недовольный своим первоначальным назначением, попросил перевести его на более активный участок военных действий. Этим поступком остались недовольны все: товарищи посчитали его выскочкой, а севастопольский начальник, как и многие севастопольцы, отдавшие свою судьбу в руки Провидения, не любил людей, которые выпрашивали назначение. Желание Венецкого было удовлетворено, и он был отправлен на самый опасный в то время участок обороны — Малахов курган. Автор искренне поразился тем людям, которых он здесь застал, он называл их богатырями, но богатырство их было не у дел: «Эти располагающие лица, казалось, говорили: мы бы и рады умереть, лишь бы не даром; эти богатырские груди и плечи, казалось, не ушли бы ни от какой кровавой, беспощадной драки; но если бы это и не казалось, если бы и, действительно, были такие чувства и такие люди, они были высоки, но бесполезны. Тут надо было только хладнокровие, больше чем хладнокровие — равнодушие; тут не было неприятеля, тут были бомбы, пули, ядра»³⁹.

Защитники настолько свыклись со своим положением, с бесконечным гулом пуль и лопающихся бомб, что уже неуютно чувствовали себя в тишине. Она рождала нервную подозрительность. Многие из них вспоминали, что когда в городе наступало затишье, это наводило на всех уныние, все ждали либо новой бомбардировки, либо штурма. Инженерный офицер А. П. Орда, который накануне последнего штурма 27 августа 1855 года заведовал всеми оборонительными работами на Малаховом кургане, вспоминал: «Скажу Вам правду, что мы привыкли до такой степени к гулу орудий, что когда редкая, как теперь, например, пальба, то просто невыносимо тяжело; а как только начинает разыгрываться потеха, так и легче становиться на сердце. Тогда все мы выходим из землянок и спешим каждый на свою дистанцию полюбоваться зрелищем и работаем, как чернорабочие под огнем»⁴⁰. Возможно, один из участников обороны был прав, когда говорил, что именно усиленная работа под огнем отвлекала солдат и моряков, не давала им времени думать и бояться, и тем делала их совершенно хладнокровными.

38 Колчак В. И. Указ. соч. С. 66.

39 Венецкий М. Указ. соч. С. 125–126.

40 Орда А. П. Письмо севастопольца // Русская старина. 1893. № 12. С. 613.

Понятие о чести офицера русской императорской армии складывалось из нескольких компонентов, главными из которых были личная преданность императору и самопожертвование во имя блага отечества. Офицер считал для себя недопустимым быть заподозренным в отсутствии этих качеств, равно как и личной отваги. Флигель-адъютант В. И. Ден, со стыдом вспоминал свою первую встречу с бомбой, с которой познакомился во время своего пребывания в Одессе в 1854 году: «При этом я впервые испытал к своему горю ... что значит кланяться неприятельским снарядам. В то самое время как в воздухе разрывало гранаты, над моей головой пролетел испуганный голубь, и от его полета по светлой каменной лестнице, ярко освещенной солнцем, промелькнула тень, — все это произвело на меня впечатление как будто над самой головой у меня разорвало бомбу — и я поклонился ... Никогда не забуду этого мгновения; оно сейчас же сменилось другим, в которое я успел отдать отчет впечатления и почувствовал, не смотря на мое совершенное одиночество, что я покраснел, что мне стыдно!... Но спрашивается — стыдно чего? Самого естественного чувства самосохранения. Но оттого и ценится храбрость — что она составляет торжество над самым натуральным инстинктивным чувством; так рассуждая, я дал себе слово наблюдать за собой, впрочем, не допуская и мысли, чтобы я мог оказаться трусом»⁴¹. Упомянутое автором словосочетание «кланяться пулям», своего рода военный жаргон, постоянно звучало в воспоминаниях участников. Вполне естественный страх за собственную жизнь, который испытал Владимир Иванович Ден, «поклонившись» снаряду, рассматривался везде как непозволительная слабость и подвергался в офицерской среде общему порицанию. Хотя не каждый, однажды уже обстрелянный воин, мог преодолеть свой внутренний страх. Инженерный офицер К. Д. Хлебников, служивший на Дунае при штабе главнокомандующего, вспоминал, как трудно привыкал он к неприятельским снарядам при осаде Силистрии: «Мало помалу и я привык к пулям и гранатам и замечал, что если я нахожусь перед войсками или вообще не один, я в силах не наклоняться перед пулями и способен мыслить и вести себя совершенно прилично; когда же случалось ночью проходить по обстреливаемому пространству одному, то я невольно бросался из стороны в сторону при каждом снаряде»⁴².

В исторической литературе довольно много написано о мужестве и бесстрашии, прежде всего, морских начальников, об их влиянии на подчиненных и других окружающих. Эти сюжеты не нуждаются в пересказе. Можно добавить, что многие армейские участники обороны Севастополя с обидой вспоминали, что, действуя на рав-

41 Ден В. И. Записки Владимира Ивановича Дена. На Крымском полуострове // Русская старина. 1890. Т. 65. С. 559.

42 Хлебников К. Д. Записки // Русский архив. 1907. Кн. 1. № 3. С. 430.

ных с морскими офицерами, оставались незаслуженно забываемы командованием. Так, например, Вроченский упоминал, что слава обороны Севастополя первого периода полностью доставалась черноморцам, только они получали высшую военную награду — орден Святого Георгия, из сухопутных офицеров в то время его получили только пять артиллерийских генералов. Как бы там ни было, демонстрируемое старшими офицерами пренебрежение к смертельной опасности, положительно действовало на молодых, еще не обстрелянных воинов: «Согласитесь, что такое презрение к смерти сильно действовало на наше молодое воображение. Всякий из нас, хотя и чувствовал инстинктивный страх, но никто никогда не показал бы его, боясь прослыть трусом»⁴³. Под влиянием участников первых дней обороны Севастополя в осажденном городе сформировалось особое «общественное мнение». Оно действовало как строгий судья в оценке воинской доблести. Тон ему задавали не только офицеры, но и нижние чины. Обыкновенно, считалось малодушием погибать при звуке летящего снаряда. На рассказ одного из новичков в севастопольском гарнизоне своим более опытным товарищам, о том, что ему пришлось сегодня «кланяться пулям», прозвучал следующий ответ: «Ты вероятно перестанешь кивать головою, а о том, что кивал, никому не рассказывай; здесь в Севастополе это не принято»⁴⁴. Об этом явлении севастопольской жизни также вспоминал Алабин: «Здесь общественное мнение не издевается над тем только, кто ищет спасения от бомбы: все, даже прославленные храбрцы, бросаются на землю, если бомба падает от них в нескольких шагах или даже саженьях. Так скорее можно спастись от осколков»⁴⁵. Принципиальной была позиция П. С. Нахимова, он не только сам рисковал жизнью под неприятельским огнем, но и требовал того же от своих подчиненных. Подобные примеры оказывали сильное впечатление на нижние чины. Среди севастопольского гарнизона стало развиваться не просто хладнокровие и равнодушие к смерти, а показываться черты полного пренебрежения к ней, переходящие в дерзость и лихачество. Последнее порой некоторыми осуждалось. Так, например, морской офицер В. П. Бабенчиков считал, что подобное «бестолковое удалство» ни к чему не приводило, кроме как к потере жизни. Тем не менее, и такое поведение солдат и матросов, в свою очередь, положительно влияло на молодых офицеров, которые, не могли позволить себе проявить слабость в присутствии подчиненных⁴⁶. Майор Н. С. Лягушинский вспоминал: «Первое впечатление летающих мимо и над головою пуль и артиллерийских снарядов было такое неприятное, что я невольно съеживался и ки-

43 Никифоров Д. И. Указ. соч. С. 33.

44 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 138.

45 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 521.

46 Там же.

вал головой; но вид солдат, уже хорошо обстрелянных, меня скоро отрезвил, заставил прийти в себя и исполнять свою обязанность, не обращая внимания на пули и другие снаряды»⁴⁷. Но действие примера было необходимо только в первое время. Все без исключения вспоминали, что «в боевую жизнь Севастополя скоро втягиваешься, скоро сродняешься с нею: убитые, раненые, оглушающий, непрерывный гул пушечной и ружейной стрельбы не производил особого впечатления на обитателей бастионов»⁴⁸.

Новичок военного дела, который оказывался в стенах Севастополя, первое время сильно терялся. Офицеры вспоминали, что как ни пытался такой человек скрыть внутренний страх и волнение, оно все равно бросалось в глаза более опытных сослуживцев. Вот что вспоминал Алабин о своей первой ночи в Севастополе: «Совершенно новая открылась мне жизнь, полная неиспытанных доселе ощущений: жизнь ежеминутного ожидания смерти, постоянной душевной тревоги; конечно, через день, через два, эта тревога пройдет, как прошла у здешних жителей. Особенно для меня была тяжела первая севастопольская ночь. Обыкновенно сплю как убитый; а тут первый раз в жизни пришлось спать под неприятельскими снарядами! ... Воля ваша, господа, а первая ночь подобного рода заставит каждого смертного испытать сильные ощущения. Товарищ мой Клейнгауз тоже не трусливого десятка человек, а и в нем с непривычки сердце екало. Вот летит со стоном и визгом какой-то снаряд над нашей крышей, так и кажется — заденет за нее и ее развалинами прикроет и нас... И вскочим мы оба, внезапно проснувшись, и окликнем друг друга, будто по команде: „Слышите?“ — «Слышу, батюшка, эх ее ревет!». Посмеемся друг над другом и опять засыпаем, на несколько мгновений, чтобы вновь проснуться при пролете первого за тем снаряда. А между тем за перегородкою старуха, прислужница убежавших хозяев нашего дома, храпит во всю ивановскую со своим девятилетним сынишкой, не обращая ни малейшего внимания на близкий перелет снарядов, на смерть ежеминутно грозящую, которая тревожит наши сердца — людей закаленных в огне сражений, не раз уже видевших смерть над головою своею и под ногами. Живое доказательство, что стоит нам пожить здесь несколько деньков, переночевать несколько ночей, и нас та только разве бомба разбудит, которая разметет наше жилище»⁴⁹. У более опытных офицеров первые шаги на севастопольской земле не вызывали такого волнения. Н. С. Милошевич, участник венгерской кампании 1849 года, вспоминал, что поначалу вел себя крайне бесстрашно: «В первое время, например, я с увлечением отдавался штурцовой стрельбе и смело расхаживал по банкету в обычной то-

47 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 137.

48 Меньков П. К. Указ. соч. С. 333.

49 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 160–161.

гда форме, т. е. без сюртука, не понимая, что белизна белья служила отличною целью неприятельским стрелкам, вследствие чего около меня особенно часто летали пули. Когда мне разъяснили все это, я круто перешел к осторожности и заботливо перестал выставляться под выстрелы»⁵⁰. Истинное же бесстрашие в нем, как и в других участниках севастопольской обороны, родилось только со временем, под действием привычки к постоянной опасности. «Потому ли, что с дальнейшим развитием опасности, оберегание себя казалось бесполезною и смешною заботою; потому ли, что самая жизнь теряла всякую привлекательность, но только мысль об опасности не входила уже в помыслы, — писал Милошевич. — И не есть ли этот процесс общий для человеческой натуры; по крайней мере — не кроется ли в нем объяснение той несомненной истины, что в деле войны один обстрелянный стоит многих необстрелянных»⁵¹. Со временем большинство участников обороны приходило к выводу о бесполезности и бессмысленности лихачества. «Здесь, в Севастополе, начнешь играть со смертью, дразнить ее, так сейчас доиграешься. Зачем же без всякой пользы губить себя. Смертью своею никого здесь не удивишь. К ее торжеству все привыкли. Умереть — здесь дело весьма обыкновенное», — записал в своем дневнике Алабин в августе 1855 года⁵². Он же писал: «Раны, смерть, увечье товарища перестали производить впечатление на оставшихся невредимыми... Здешняя жизнь со всеми ее ужасными подробностями сделалась для нас обыкновенною жизнью»⁵³. Это привело к развитию между участниками севастопольской обороны фатализма. Считали, что от пули не спрячешься, и что кому суждено умереть в постели, того не убьют и в сражении. Севастопольцы определяли себе разный жребий: кто-то твердо решал, что не уйдет с этой земли живым, и демонстрировал храбрость и равнодушие к смерти, кто-то уже отчаивался выжить, но основная масса просто хладнокровно выполняла свой воинский долг, без лишнего лихачества, но с готовностью к самопожертвованию. Армия и флот знали, что согласно приказу императора от 6 декабря 1854 года каждый месяц их службы в Севастополе им засчитают за год. «Севастопольская опытность, — писал В. П. Бабенчиков, — научила меня ответить на два вопроса, совершенно противоположные: „как совершать подвиг и где найти наиболее безопасное место в бою“. Несмотря на кажущуюся противоположность таких вопросов, на основании приобретенной опытности я отвечал бы почти одно и то же. Совершить подвиг, значит добросовестно выполнить свою обязанность, быть именно там, где кто поставлен, сделать все, что представляется возможным, по мере сил

⁵⁰ Милошевич Н. С. Указ. соч. С. 6.

⁵¹ Там же. С. 7.

⁵² Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 504.

⁵³ Там же. С. 236.

крайнего разумения, спокойной твердости и стойкости. Чтобы наиболее обезопасить себя в бою, следует держаться именно своего места, нести свою прямую обязанность, спокойно глядеть на всякую опасность и благоразумно отклонять ее, никогда и нигде не утрачивая необходимой твердости. В таком случае поражают только те снаряды или пули, которые попадают собственно в тот пункт, где находишься; а это весьма редкая случайность, несколько вершков выше головы вправо или влево от нее делают уже их безвредными. Это особенно справедливо для артиллеристов на батареях и пехотинцах обороняющихся, в большинстве случаев прикрытых от прямого поражения бруствером или траверсами. Не то бывает с ищущими безопасности: от боевых линий их поражает все, даже и не прямо направленное в них: осколки Бог весть где разорванной бомбы; камни стены, за которую они думали укрыться; шальная пуля; снаряд на излете, отраженный в сторону каким либо местным препятствием и попадающий туда, где его никак не ожидали; наконец, простое действие пороховой силы и дыма, от разрыва бомбы в тесном пространстве подвала или погребка, губящее сразу всех находящихся в нем; убивает даже самая сырость этих, по-видимому, укрывающих от смерти, подвалов и погребков, производящая холеру и другие заражения»⁵⁴. В подтверждение своих слов автор привел довольно курьезный пример: «При бомбардировании Константиновской батареи, цирюльник, желавший спастись от нее в отхожем месте, находящемся в подвальном этаже, на стороне совершенно противоположной бомбардировке, со входом, изогнутым многими зигзагами, был настигнут ядром, отражавшимся по зигзагам от стены в стену. Ему оторвало ноги. Это заставило бывших с ним укрыться сквозь дыры ватерклозета, рискуя утонуть в зловонной жидкости. Но если неизбежно умереть, то не лучше ли, не честнее ли умирать с врагом лицом к лицу, как в битве следует бойцу?»⁵⁵.

Известно, что многие севастопольские защитники не обращались за медицинской помощью в случае легких ранений и контузий. Такое поведение стало считаться не только обычным, но и должным: «Наши офицеры и солдаты честно исполняли свою обязанность: с легкими ранами и контузиями они не ходили даже на перевязочный пункт, и очень часто случалось видеть защитников Севастополя на бастионах с обвязанными головами, с рукою на перевязи. Поручик нашего полка, Воронеж, был на бастионе с перевязанной головой, а один юнкер стоял на банкете даже без руки. Случалось видеть защитников и на костылях»⁵⁶. Здесь так же играло свою роль особое общественное мнение, которое оказывало сильное влияние на характер поведения войск в гарнизоне. Идти на перевязоч-

⁵⁴ Бабенчиков В. П. Указ. соч. С. 359.

⁵⁵ Там же. С. 360.

⁵⁶ Корвин-Павловский И. Из воспоминаний севастопольца. Б. м., 1871. С. 304.

ный пункт с легкой раной, было не принято и даже молчаливо осуждаемо товарищами по оружию. Храбрость воина здесь измерялась, в том числе, пренебрежением к ранам и контузиям: «Юркевич, пользовавшийся уважением сослуживцев, был уже несколько раз контужен, но свято исполнял свой долг — долг честного солдата, отстаивающего достоинство своего народа и, подобно многим другим храбрым офицерам, не был даже на перевязочном пункте»⁵⁷. Многие офицеры считали своим долгом оставаться на боевом посту, несмотря на полученные травмы, и потому скрывали от всех свои болезненные ощущения. «Разумеется от синяков, контузий и легких ран нельзя было уберечься, равно как и от земли, которая, обваливалась с брустверов и траверсов, засыпала зачастую. Но пока силы позволяли, до последней своей раны, я оставался на бастионе»⁵⁸. Только близко знавшие Павла Степановича Нахимова были свидетелями страданий, причиненных ему контузией. Правда вскрылась уже после смертельного ранения адмирала, когда врачи увидели посиневшую от контузии спину. Но надо сказать, что контузии вообще не рассматривались как серьезные повреждения. О точном определении понятия контузии врачи еще долго спорили после Крымской войны. Тогда же и офицеры, и солдаты в общей своей массе игнорировали ее: «Контужены были многие из нас, но контузиям не придавалось значения, никто не обращался к докторам, так и ходили с синяками, опухольями и ссадинами на теле, сила молодости была лучшим лекарством»⁵⁹. Подобно офицерам, неохотно отправлялись на перевязку и нижние чины. Ершов вспоминал, как при нем ранило осколком бомбы в плечо артиллериста, на ободряющие слова Ершова тот ответил: «Ох, ваше благородие!... Божья воля на все! Многим и вам довольны. Ай, братцы! Смерть тошно идти-ть во шпиталь; и, — продолжал рассказ мемуарист, — горькие слезы, собственно от печали разлуки, заструились по суровому лицу. Русский солдат, вообще, неохотно отправляется в лазарет: при малейшей возможности, всегда предпочитали оставаться при своей части»⁶⁰. Число легкораненых и контуженных, оставшихся в строю, всегда было значительно. Меньков считал одной из причин подобного поведения нижних чинов денежное поощрение: «Всем легко раненым и контуженным нижним чинам, состоящим во фронте, давалось до трех рублей серебром. Не чувствуя сгоряча боли и имея в виду денежную приманку, многие нижние чины оставались во фронте. Но дальнейший ход раны или контузии, постоянное изнурение, отсутствие сна и покоя в самое короткое время вынуждали их оставить бастионы»⁶¹. Как бы

57 Там же. С. 302.

58 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 32.

59 Вроченский М. А. Указ. соч. С. 118.

60 Ершов А. И. Указ. соч. С. 50.

61 Меньков П. К. Указ. соч. С. 353.

там ни было, в одном он точно был прав: воины которые игнорировали полученные ими повреждения (раны и контузии) чаще всего за это расплачивались. Ершов вспоминал свой разговор с солдатом об ополченцах: «Ничего, ваше благородие, — говорил пехотинец, — ополченный, известно, человек свежий, он недавно сюда пришел, на свободе прогуливался. Нашему-то брату... тепереча трех фунтов хлеба не съест, а тому-то пяти мало! Нашего заденет, так на перевязку и тащись; а того два-три раза хватит и нипочем! Вот что, народ свежий!»⁶². Ершов писал, что слова солдата подтверждались его изнуренным лицом: «От тревоги, передвижений, бессонных ночей, ежечасной опасности, люди теряли аппетит»⁶³. Со временем организм людей, изнуренных физически и психологически, со следами не вылеченных ран и контузий, практически не поддавался лечению. Самые легкие раны принимали смертельный исход, такие люди чаще умирали от гангрены («антонова огня») и тифозных лихорадок. Морской врач М. Г. Лашкевич такое очевидное ухудшение в лечении ранений к концу обороны приписывал возможному действию хлороформа или неприятельских бомб, начиненных ядовитыми газами, полагая, что у противника было такое оружие, в действительности не существовавшее⁶⁴.

Безусловно, многие обращались за медицинской помощью, хотя чаще всего это были люди с такими повреждениями, которые игнорировать было трудно. Многие из них, получив первоначальную помощь, при первых признаках улучшения самочувствия старались быстрее вернуться к службе. Недолеченные раны и контузии так же через некоторое время сказывались на здоровье. Д. И. Никифоров вспоминал про последствия «маленького казуса», который произошел с ним в начале его боевой службы в Севастополе. Он был контужен осколками разбившегося камня в голову и позвоночник: «Доктор наложил мне холодные компрессы, и пролежав часть ночи в лазаретной палатке, к утру я был на коне. Спустя слишком шесть месяцев, контузия дала о себе знать. Я пролежал шесть недель в симферопольском госпитале, потом лечился на квартире и после операции остался одноглазым и одноухим»⁶⁵. Помимо этого автор упоминал, что остаточным следствием контузии явились также сильные нарывы на шее, которые беспокоили его и через 50 лет после Крымской кампании. Другого севастопольца после контузии осколком бомбы в грудь на перевязочный пункт принесли без сознания. «Грудная боль, кровохаркание и обморочное состояние побудили медиков отправить меня в госпиталь на Северную сторону. Оттуда через два дня, я отправлен был на подводе, в числе прочих

62 Ершов А. И. Указ. соч. С. 265

63 Там же.

64 Лашкевич М. Г., Розенбергер К. О. Указ. соч. С. 41, 43.

65 Никифоров Д. И. Указ. соч. С. 26.

раненых офицеров, в один из симферопольских госпиталей. В 3 недели я получил некоторое облегчение, и хотя чувствовал себя далеко еще не окрепшим и здоровым, — однако упросил медиков выписать меня из госпиталя. Тут желание участвовать в обороне взяло вверх над физической слабостью. По выписке, я на другой день уехал в Севастополь. Неполное излечение оставило пожизненный отпечаток на моем здоровье»⁶⁶. Офицер Н. С. Лягушинский был два раза контужен в ногу, но оба раза при первых признаках улучшения возвращался на службу. Вторая контузия тяжелее переносилась автором, что на фоне общего физического и морального истощения организма не было удивительным: «Дня через три мне сделалось легче и я упросил, чтобы меня перенесли на мою квартиру, где, пролежав дней пять, я начал чувствовать себя лучше, отчего и решился продолжать ходить на службу. В сущности же я уже до самого конца осады не мог окончательно поправиться. Нельзя сказать, чтобы контузии эти были тому исключительной причиной; они помогли только общему расстройству; нервы мои никогда негодились от постоянно наэлектризованного положения и напряженного состояния; к тому же меня посетила еще лихорадка. Товарищи, видя что я хожу как тень, советовали мне отправиться в госпиталь, но я никого не хотел слушать и в продолжение целого августа месяца день ходил на службу, а другой день лежал»⁶⁷. Автор до последнего штурма оставался в Севастополе, но через некоторое время по окончании Крымской войны должен был оставить военную службу по причине сильной болезненности. Надо сказать, что большинство выживших в «севастопольской бойне» сильно надломило свое здоровье. Среди них подпоручик В. В. Безобразов, который был несколько раз ранен и контужен, но севастопольскую землю он покинул только при общем отступлении. Это сильно сказалось на его физическом здоровье: «Куда девалась его юношеская красота, его живость?! Не имея еще тридцати лет от роду, Безобразов казался уже стариком. Постоянные страдания головы и ревматические боли не давали ему дня покоя, но страдания физические были бессильны сломить его нравственную природу»⁶⁸. С началом русско-турецкой войны в 1877 года он смог добиться назначения в действующую армию. Здесь он был смертельно ранен. «Итак, В. В. Безобразов в две войны получил девять высочайших наград, но, с тем вместе, в первую из этих войн он получил и разрушение здоровья, источник 24-летних постоянных страданий, преждевременную седину, преждевременную старость, а во вторую войну получил смерть»⁶⁹. Сила молодости, стремление достойно выполнить

66 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 49.

67 Там же. С. 170.

68 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 736.

69 Там же. С. 737.

свой воинский долг понуждали многих участников обороны игнорировать полученные ими повреждения. Чаще всего, последствия несвоевременного обращения за медицинской помощью давали о себе знать, когда военные действия были уже позади.

Но были и другие причины, почему воинские чины неохотно шли на перевязочный пункт и еще более неохотно в госпиталь. Вера в силу медицины была невысока, врачей боялись, а госпитали считали источником заразы. Как известно, в Крыму с приездом Н. И. Пирогова в качестве анестезирующего средства стало широко практиковаться применение хлороформа. Он и до этого был в распоряжении военных врачей, но многие к нему относились как к вредному нововведению, к тому же, не всегда он был в достаточном количестве. Армейский врач Ульрихсон писал, что до приезда в Севастополь Пирогова большая часть операций в сухопутных госпиталях производилась без хлороформа, «по случаю ничтожного его количества, положенного по аптечному каталогу»⁷⁰. Но и при Пирогове не всякая операция производилась с применением хлороформа. Сестра Крестовоздвиженской общины Е. М. Бакунина указывала, что обезболивание применялось только в тех случаях, когда была полная уверенность, что сердце оперируемого вынесет действие хлороформа. Таким образом, самые тяжелые ранения и как следствие самые болезненные операции проходили как обычно, то есть без какой-либо анестезии. Без хлороформа проводили операции пожилым воинам. Такая осторожность была неслучайной, обезболивание только вводилось в медицинскую практику, действие эфиров было не до конца изучено. Екатерина Михайловна вспоминала, что один пациент умер от применения хлороформа, хотя операция предстояла несерьезная, ранен был большой палец на ноге. Еще более подозрительны к хлороформу были пациенты. Юнкер С. Гунаропуло писал о своем товарище Гусакове, которому прострелили ногу и врачи сказали, что необходимо ее тотчас ампутировать: «Гусаков на это согласился, но решительно отказался хлороформироваться; просил только, чтобы во время операции ему позволили курить. В это время приехал Корнилов с контр-адмиралом Истоминым. Корнилов был страшно взволнован, ... когда доктора объявили ему, что больному нужно сделать операцию, благополучный исход которой требует совершенного спокойствия оперируемого, то адмирал упрасивал Гусакова не сопротивляться желанию докторов; но увещания его не подействовали, и Гусаков остался при прежнем своем решении»⁷¹. Операция прошла благополучно, и моряк скоро поправился. Офицер П. И. Степанов, бессменный ординарец С. А. Хрулева во время обороны Севастополя, писал: «Случаи, что раненные отвергали хлороформ, были

70 Ульрихсон. Тяжелые дни Севастопольского военно-временного госпиталя во время осады 1854–1855 гг. СПб., 1890. С. 38.

71 Гунаропуло С. Воспоминания старого моряка. СПб., 1903. С. 20.

не редки, особенно между матросами»⁷². Но уже через некоторое время войны, убедившись в безвредности «сонных капель» (как они прозвали хлороформ) сами просили об обезболивании. Так, например, поступил полковник Ф. Плющинский, когда его с тяжелыми ранениями принесли на перевязочный пункт: «Не смею описывать происходившего на перевязочном пункте, скажу только, что отдав на произвол медиков мою левую руку, я просил спасти правую и скорее хлороформировать меня, чтобы не видеть и не слышать происходившего вокруг меня, раздиравшего мне душу»⁷³. Обезболивание постепенно стало необходимой процедурой, невозможность его применения в отдельных случаях вызывала у большинства докторов сожаление. Но несмотря на это достижение отечественной военной хирургии, нужно признать, что медицинская помощь того времени была довольно болезненной. Развитие поражающего действия боевого оружия опережало развитие медицинской науки. Раздробление кости чаще всего приводило к ампутациям и резекциям. Николай Иванович Пирогов пытался противопоставить этим распространенным операциям метод так называемой сберегательной хирургии, реализуемый с помощью наложения на поврежденный член гипсовой повязки. Но приготовление гипсового раствора занимало некоторое время, так что в условиях большого наплыва больных и необходимости срочных операций, гипсовая повязка не всегда была пригодна. В результате руки и ноги резались практически в том же количестве, что и раньше. Это являлось основной причиной, по которой боялись перевязочных пунктов и госпиталей. Унтер-офицер П. И. Степанов вспоминал такой случай: «При входе в лазарет делался страшный шум; прибежавши туда мы увидели, что красивый ратник с простреленной кистью руки упирается в дверях, „не пойду“, — кричит он, «там рубят ноги (он видел в окошко операцию), мне рука нужна, чем же я отплачу врагу за руку». С трудом убедили мы его сделать перевязку, обещая, что ему без надобности не отрежут руку; в самом деле, можно было обойтись, но надо было вынуть пулю, завязнувшую между костей. Он попросил у нас папироску и без хлороформа, хладнокровно выдержал операцию. Когда она кончилась, он только спросил: «А что, скоро мне можно туда, рассчитывать с проклятым французом?»⁷⁴. Из-за боязни врачей и госпиталей среди войск было распространено самолечение. Н. В. Берг, служивший переводчиком при штабе князя М. Д. Горчакова, главнокомандующего Дунайской, а впоследствии и Крымской армии, вспоминал о ранении в голову матроса Бадюка. Пуля прошла по чере-

72 Степанов П. И. Севастопольские записки... // Военный сборник. 1905. № 10. С. 47.

73 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 338.

74 Степанов П. И. Севастопольские записки... // Военный сборник. 1905. № 10. С. 47.

пу, ото лба до затылка, разрезав кожу до кости. Матроса отнесли на перевязочный пункт, сделали перевязку и он, в тот же день, стал опять проситься на бастион. «Да куда ты там годишься? Ты едва жив!» — сказали ему. «Нет уж, пустите, заставьте за себя Богу молиться!» Его отпустили, и он больше не являлся; лечил голову какими-то своими притираниями, как говорится «травкой-фуфоркой» и рана закрылась без всяких последствий»⁷⁵. Распространение самолечения в этот период неудивительно. Так, например, контузии врачи лечили в основном кровопусканием, пиявками, банками, иногда прописывали мази. При лечении холеры доктора активно использовали обвертывание в холодные простыни, лихорадки лечили растительным препаратом — хинином. При поносах давали отвар риса и гречки, в качестве общеукрепляющих средств прописывали кисель и чай с сахаром. Потому при несложных контузиях и ранениях, войны предпочитали лечиться самостоятельно, а не в госпиталях и лазаретах, где боялись заразиться гангреной, которая в условиях отсутствия антисептики и асептики была явлением распространенным. Так, майор Н. С. Лягушинский свою первую контузию в ногу вылечил в домашних условиях: «Доктор осмотрел ногу и сказал мне: „Кости целы, но нужно поставить сейчас же пиявки или банки, после чего иметь несколько дней спокойствия; почему не угодно ли вам будет остаться здесь“. Я поблагодарил доктора, но на перевязочном пункте оставаться не хотел, а отправился домой, куда впрочем, еле, еле дошел. Дома привел в исполнение совет доктора и через несколько дней выздоровел»⁷⁶. Потому в одних случаях раненые бойцы терпели и не обращались за медицинской помощью, в других лечились сами. «А вот ... ежели, оборони Бог, руку, али, там, ногу отхватит, ну тогда шабаш! Лечи дохтур»⁷⁷, — рассуждали они.

Атмосфера госпиталей и перевязочных пунктов на всех действовала одинаково удручающе. Участники севастопольской обороны в своих воспоминаниях рисовали картины самых разнообразных страданий, сосредоточенные лица врачей, груды отрезанных человеческих рук и ног по углам. При этом мемуаристы с особенным удовольствием отмечали наличие чувства собственного достоинства и выдержки у раненых офицеров и нижних чинов. Прежде всего, этим отличались опытные обстрелянные солдаты, еще чаще морские чины. Хрестоматийным стал сюжет, рассказанный доктором Х. Я. Гюббенетом о моряке, который сидя в госпитальном зале рядом с собственной оторванной бомбой ногой, преспокойно достал из сапога этой ноги табак и закурил. Возможно, многие из подобных явлений были результатом болевого шока, однако такие примеры положительно влияли на других раненых, «отстраняя пово-

75 Берг Н. В. Записки об осаде Севастополя. Т. 1. М., 1858. С. 229.

76 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 169.

77 Ершов А. И. Указ. соч. С. 217.

ды к унынию»⁷⁸. Майор Н. С. Лягушинский, сильно контуженный в ногу, вспоминал, как поразило его спокойствие одного оперируемого на перевязочном пункте: «Этот пункт в Севастополе, начиная с весны, почти каждый день был люден; когда я пришел, на длинных невысоких столах лежало несколько человек в ожидании отнятия членов; между тем около одного офицера хлопотали доктора, отрезывая ему руку повыше локтя. Офицер этот был немолодой, с длинными усами, полный, выглядывал таким здоровяком, при этом курил папироску и не издавал ни одной жалобы, как будто бы не ему делали операцию, тогда как другие раненые в ожидании ее стонали; в особенности же кричали и жаловались приносимые при мне, когда их укладывали на столы»⁷⁹. Конечно, многие не могли перешагнуть свой болевой порог и скрыть физические страдания. Притом, доктора не очень оптимистически смотрели на раненых, которые при ампутациях молчали, ибо считали, что такие редко выздоравливали.

О стойкости морских чинов обычно вспоминали в контрасте с ополченцами: «Но скоро и ополченцев стали приносить к нам ранеными, и они как-то совсем падали духом; стоны и крики их были ужасны! Вот флотские — те были терпеливее и тверже и лучше переносили и раны, и операции. Армейских по терпению и твердости можно считать серединой; но и между ними были очень твердые и терпеливые»⁸⁰. Алабин вспоминал, что прибывших ополченцев не сразу посылали в севастопольский гарнизон. «Они на Северной переносят раненых с шаланд в госпитали, содержат караулы, работают при постройке укреплений и тем приносят большую пользу, освободив от этих работ многих старых боевых солдат, которых поневоле приходилось привлекать к названным занятиям. Осмотрятся, прислушаются к канонаде, да к стонам человеческих страданий, тогда только поведут их на ту бойню, что зовут Севастополь»⁸¹. Это мало помогало. По общим воспоминаниям, ополченцы хуже переносили физические мучения. «Перевязочный пункт 5 бастиона помещался в казематированной башне его горжи (на половину разрушенной неприятельскими выстрелами) и оглашался столами ополченцев; солдаты же обстрелянных полков и в особенности матросы стоически переносили физические страдания от ран»⁸².

Быть убитым, то есть умереть на поле боя или при исполнении своего долга на бастионах осажденного города, считалось более желанным жребием, чем умереть от ран в госпитале. «Убитый воин в наиболее опозитизированный момент земной своей жизни, в мо-

мент полного восторга и увлечения, внезапно переносится в другой, светлый мир нескончаемого райского блаженства, — писал П. В. Алабин. — Тоска о покидаемом; ужас пути, пред ним в это мгновение разверстого, едва успели сложиться в один звук, прощальный стон, вопль жизни — и человек уже там, в той лучезарной сфере, которая доступна только избранныкам Божиим. Не завидная ли доля?»⁸³. Князь Д. Святополк-Мирский был пулей ранен в грудь при сражении на Черной реке 4 августа 1855 года. Он вспоминал, что был так увлечен боем, что совсем не думал об опасности и ее возможных последствиях. Первые его мысли при ранении были: «А вот об этом-то и позабыл»⁸⁴. Он нашел в себе силы передать начальство старшему по чину и самостоятельно отправиться на перевязочный пункт. По пути силы стали оставлять его, и он, добравшись до разрушенной каменной ограды — относительно спокойного места, прилег там в ожидании помощи носильщиков. В какое-то мгновение ему показалось, что из раны при выдохе вырвался воздух, и он решил, что это смерть, которую приготовился принять с надлежащей воином стойкостью: «За стенкою, где я лег, было покойнее, я был уверен, что тут мне и суждено умереть, но мысль эта не возбуждала во мне ни страха, ни сожаления, смерть представлялась прекращением страданий и желанным успокоением»⁸⁵. Уже практически без сознания князь был доставлен на главный перевязочный пункт, где доктор поспешно вынул пулю и продемонстрировал ее раненому. С этого момента в нем снова проснулась надежда на жизнь. Его отнесли в госпитальную палатку, где проснувшаяся жажда к жизни сделала его более беспокойным и чувствительным к страданиям. В какой-то момент князь неаккуратно повернулся и сломал кровать: «Мною овладело отчаяние, — мысль, что могу умереть не от раны, а от того, что сломалась кровать, была мне невыносимой. С тех пор как доктор показал мне пулю, вырезанную из моей спины, в моем душевном настроении сделался совершенный переворот. До того я ожидал смерти с покойным смирением, — но вид вынутой пули возбудил желание и надежду сохранить жизнь и уверенность, что она может быть сохранена»⁸⁶. Надежда не обманула Д. Святополк-Мирского, в конце концов он выздоровел. Но долгая борьба раненого со смертью могла оказаться и безнадёжной. Смертельно раненый лейтенант Август Карлович Комстадиус писал письма своей семье из госпитальных палаток бельбекского лагеря. Из них мы узнаем, что автор лежал в палате с еще двумя тяжелоранеными офицерами, остальные же раненые морские чины были отправлены в Николаев. В письмах Август Карлович брави-

78 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 165.

79 Там же. С. 168.

80 Бакунина Е. М. Указ. соч. С. 170.

81 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 483.

82 Милошевич Н. С. Указ. соч. С. 72.

83 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 91.

84 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 396.

85 Там же. С. 397.

86 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 401.

ровал своим терпением при перевязках и описывал страдания товарищей по госпитальной палате. В их выздоровлении он сомневался, но в своем был поначалу уверен. Однако время проходило, а долгожданного улучшения не наступало. Он писал, насколько ярким казался ему окружающий мир, и как хотелось жить: «Утром я выходил на балкон. Как приятно взглянуть на природу. Я нахожу прелесть в каждом листке. Теперь только я вижу, как я люблю жизнь и как дорога она для человека»⁸⁷. В его письмах запечатлены все мучительные тревоги умирающего человека: упорство в исполнении врачебных предписаний, надежда на выздоровление и в тоже время первые попытки смирения с неизбежной смертью. В последнем письме от 15 сентября 1855 года в его переживаниях нашлось место утешению в религиозном чувстве и сознанию исполненного долга: «Вчера после причастия мне все утро было так легко, так покойно; вечером я надеялся на выздоровление, потому что доктор вынул из раны кусочек лигатуры, которая была причиной раздражения в ране и лихорадки, но ночью опять был сильный пароксизм. Мне невыносимо тяжело, жду со смирением последней минуты. Молитесь за меня, ваша молитва спасет меня. Не тревожьте себя горем, я счастлив мыслью, что умираю за много любимое мною отечество. Вы вправе сказать, что сыновья ваши умерли, как следует умирать в эту тяжелую пору русскому, и что любовь их к отечеству была им внушена вами. Да поддержит вас и поможет вам Господь!»⁸⁸. Через два дня, 17 сентября 1855 года Август Карлович умер.

Вид умерших, как и сам факт погребения, угнетающе действовал на дух войск. Круген вспоминал о расположении его отряда под Силистрией: «Место для лагеря было удобное и все расположились бы как следует, если бы левому флангу не мешали вырытые ямы, из которых одна была весьма почтенных размеров. На вопрос: для чего понарыты ямы, получился ответ: для умерших в госпитале и для помещения ампутированных рук и ног. Сейчас же приказано, без дальнейших рассуждений, зарыть эти ямы, чтобы не производить на войска, идущие на усиление осаждающих, неблагоприятного впечатления»⁸⁹. Чтобы избежать уныния в войсках и распространения вредных «миазмов», убитых старались быстрее похоронить, и чем дальше от лагеря войск, тем лучше. При этом войсковые начальники старались соблюдать определенные похоронные ритуалы: на могилах обыкновенно ставились кресты, при захоронении присутствовали войсковые священники, погребение производилось, как правило, в гробах. Алабин вспоминал, с каким вниманием и сочувствием отнеслась его дивизия к погребению павших

87 Комстадиус А. К. Осажденный Севастополь в письмах убитого офицера 1853–1855 гг. СПб., 1890. С. 103.

88 Там же. С. 105.

89 Воспоминания о Дунайской кампании... // Военный сборник. 1873. № 2. С. 401.

товарищей после Ольтенецкого сражения: «Убитые в этом сражении вечером другого дня с воинской почестью преданы земле у перевязочного пункта в Новой Ольтенице. Окрестные жители не забудут солдатской могилы и в отдаленные времена будут указывать место, где почуют кости храбрых. Мы насыпали на этом священном для всякого русского, для всякого православного, месте большой курган, обсадили его деревьями и, по состоявшейся подписке между офицерами и нижними чинами отряда, на собранные деньги ставим на этом кургане надгробный памятник. С тем же, чтоб товарищи наши, убитые в этом сражении, независимо от тех молитв, какими церковь наша, в известные дни, поминает всех воинов, во брани живот свой положивших, пользовались особым вечным предстательством у престола Божья местной церкви, мы делаем, по этой же подписке, в Ольтеницкую православную церковь значительный вклад, ежегодно, в день 23 октября, совершать на могиле наших товарищей панихиду»⁹⁰.

В Севастополе соблюдение традиционных похоронных ритуалов было не всегда возможно. Многие защитники признавались, что самыми тяжелыми впечатлениями обороны остались бесконечные транспорты с умершими. Хоронили их в окрестностях Севастополя, чаще на Северной стороне, куда они доставлялись на шаландах. «Убитых на Южной стороне свозили обыкновенно в фурштатских телегах на Николаевский мысок; убитых в Корабельной — на Павловский. Здесь они лежали навзничь, на спине, без всякого порядка, большая часть в своей кровавой одежде: в рубашке, или в шинели; а иные и в чистом белье, надетом на них товарищами, и со свечою в руке, принесенною теми же товарищами, — вспоминал Н. В. Берг. — Можно было заметить, что у иных пальцы сложились знаменем креста ... Православные люди, солдаты и матросы, подходя к покойникам, грустно и молча смотрели им в лицо и крестились. Почти не произносилось никакого слова на мертвом мыске. Да и к чему было говорить, когда и так, само собою, все рассказывалось этими безмолвными трупами, каждый день прибывавшими более и более. Иного мертвеца уже не показывали: свернуто было что-то такое в шинели, и шинель была зашита»⁹¹. Мемуаристы писали, о том тягостном впечатлении, которая оказывала на защитников Севастополя погребальная музыка, сопровождавшая похоронные процессии: «Тогда ходил слух, что несколько офицеров умерли в одном госпитале, в городе, слыша поминутно под окнами похоронный марш. ... Кроме того, похоронные звуки не редко мешались со звуками полек и мазурок, гремевших на Маленьком бульваре, и это было странно и неприятно»⁹². Возможно, по этим причинам

90 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 2. М., 1890. С. 126.

91 Берг Н. В. Указ. соч. С. 129.

92 Там же. С. 132.

похоронная музыка на некоторое время была запрещена. «Впоследствии погребальную музыку разрешили опять; но тогда уже не играли на бульваре ничего»⁹³.

Солдаты погребались в братских могилах. «Братские могилы, куда складывались тела павших за веру и отечество борцов, копались огромные. В них складывалось человек по 50 и более. Покойники погребались в одном белье, без сапог. Их клали головами к краям могилы, а ногами друг к другу. Положив десять человек, их засыпали сперва известью, а потом небольшим слоем земли. На этот слой клался второй ряд, снова засыпался известью и землею, затем третий, четвертый и пятый, поверх которого насыпался большой холм... Хоронили по родам войск. В одном отделении ютились артиллеристы, в другом моряки, в третьем саперы и инженеры, а самое большое отделение занимала пехота»⁹⁴. Такое раздельное захоронение не всегда было возможно. Часто количество умерших было так велико, что их едва успевали хоронить. И тогда уже не было времени выяснять, ни род войск, ни имен павших. «Многие раненые умерли, не сделав известными своих имен ни медицинскому, ни госпитальному начальству, и их хоронили, не зная не только кого хоронят, но часто не зная даже к какому полку или команде принадлежал умерший, потому что во время дела многих доставили в госпиталь даже без верхней одежды, которую, при торопливости медиков перевязочного пункта, разрывали на части на раненом, чтобы скорее обнажить пораженное место и остановить кровотечение, либо сделать ампутацию»⁹⁵.

«В гробах хоронили только офицеров; гроба эти были в большинстве случаев розовые, с серебряными крестами»⁹⁶. Нижних чинов в гробах хоронили редко: «Роскошь эта доступна была немногим, оставлявшим после себя деньги. Впрочем, в Севастополе встречались между солдатами обладавшие капиталами в несколько десятков полуимпериалов, которые скоплялись от проданной добычи, от обобранных убитых неприятелей и т. п., — вспоминал Н. С. Милошевич. — Богачи солдаты обыкновенно приготавливались к погребению близ Артиллерийской бухты (за Николаевской батареей), где устроена была убогая часовня и находился небольшой запас гробов, саванов, восковых свечей. Похоронное братство, устроившее это, состояло из матросов, и к нему-то обращались родные или друзья покойника, желавшие похоронить его «по-христиански»⁹⁷. Чаще всего это были матросские семьи, которые практически до последнего штурма отказывались покидать город. Потому могилы моря-

ков выделялись среди прочих своей ухоженностью. В целом севастопольское общество настолько привыкло к картинам смерти, что обыкновенно уважительное отношение к покойникам среди войск стало ослабевать. Смерть превратилась в будничное явление, что повлекло за собой и будничное к ней отношение, иногда доходившее до цинизма. Были случаи обирания мертвых. Один из севастопольских офицеров со стыдом вспоминал о том, как французский офицер, принимая своих убитых, возмущенно указывал ему на раздетые и обобранные тела. Степанов вспоминал: «Переноса мертвых, носильщики не упускали случая снять с них сапоги и через»⁹⁸. Через — это была подвязка под коленкой, которую русские солдаты употребляли для хранения своих ценностей.

Для Крымской войны характерны были не только значительные по тем временам боевые потери, но и сильное развитие среди войск эпидемических болезней. Многим пришлось погибнуть не от пули неприятеля на поле брани, а от тифа и поноса в госпитальных стенах. Надо сказать, что медицинские потери в русских войсках были значительны в то время. П. А. Зайончковский указывал, что за период правления Николая I в армии умерло от болезней 1 062 839 человек. По расчетам историка, «из пяти пришедших на службу солдат двое умирали»⁹⁹. Причинами этого являлись довольно примитивные средства лечения, которыми располагала медицинская наука того периода, а также общее недоверие в среде военного командования к труду зависимого от них медицинского персонала и к военной медицине. Было распространено мнение, что «заболевших в полку стало много с тех пор, как расплодилось в нем много медиков; что Суворов не знал их и потому побеждал; что армия не армия, если ее нежить и сажать на лекарства; что люди хворают от бездействия, а главное, что медики не лечат, а морят солдат; что больные только и остаются в живых, пока не попадут в их руки, и что медики небезопасны для духа армии своим вольнодумством»¹⁰⁰. При этом штаб-лекарь Азовского пехотного полка А. А. Генрици, вспоминал, что когда медицинская помощь требовалась офицерам, они были более щепетильны: «В пехоте командиры не верили в действительность медицины и гигиены для солдат, хотя сами не отказывались лечиться в случае болезни и требовали от своего медика весьма заботливого и нежного ухода»¹⁰¹. Сами врачи развитие болезненности в войсках чаще всего объясняли действием неблагоприятного для здоровья климата, тесным и неудоб-

93 Там же.

94 Валуева (Мунт) А. П. Указ. соч. С. 82.

95 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 135.

96 Валуева (Мунт) А. П. Указ. соч. С. 83.

97 Милошевич Н. С. Указ. соч. С. 66.

98 Степанов П. И. Севастопольские записки... // Военный сборник. 1905. № 6. С. 51.

99 Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 115.

100 Генрици А. А. Указ. соч. С. 312.

101 Там же. С. 331.

ным размещением воинских чинов. Потому военным командованием и медицинской администрацией особое внимание уделялось изучению местности и климата страны, в которой предполагалось расквартирование войск. В 1853 году войскам было известно, какие опасности таил в себе поход в Дунайские княжества. Алабин вспоминал, что больше всего в войсках боялись эпидемии холеры и чумы, особенно последней, к которой испытывали почти что средневековый страх: «Холера-то еще ничего, старая знакомка, с нею мы уже сдружились и обжились. Свежо еще в памяти, как она косила нашу братию в Польше в 1848, в Венгрии в 1849 годах; не говорю уже о давно забытых подвигах индийской гостыи, сопровождавших ее появление у нас в 1830-х годах. Но вот от чего иногда болезненно сжимается наше сердце: это — от возможности встретиться с чумою, если пойдем в Турцию, — писал П. В. Алабин. — Страшен этот неотразимый враг и потому, что нет исцеления заболевшему, и еще более потому, что не успеют вполне проявиться в тебе роковые признаки болезни, как уже покидает и с ужасом бежит от тебя и друг, и брат, и товарищ! Страшен потому, что убежит от тебя и бросит на произвол судьбы жена, любовница, сестра, разве не убежит от тебя одно только существо — мать! Мгновенно на твое чело будто положат печать отвержения; все тебя покинут и только толпа мортусов в их ужасных костюмах, кожаных масках, рукавицах, вымазанных дегтем, будто демоны схватят тебя крючьями и молча потащат в преддверие ада — в чумной госпиталь! Но буде що буде, говорят хохлы, а буде то, що Бог даст!»¹⁰². Такой страх перед заразными болезнями был вполне оправдан. Военные медики порой сами признавали свое бессилие при лечении подобных болезней. Та же холера поддавалась лечению только на самых ранних стадиях развития. Алабин действительно боялся заразиться, но не только потому, что его пугала перспектива умереть в чумном госпитале. Смерть от болезни была привычной в глазах воинских чинов, она не производила на них особого впечатления, и как всякая привычка не вызывала особого страха. Но если в мирное время такая смерть принималась как вполне естественная, со смирением религиозного человека перед уготованным ему жребием, то во время войны отношение к ней менялось. Умереть от тифа или поноса, в то время как товарищи по оружию завоевывали себе славную память в потомстве на поле боя, в глазах офицерства было и бесславно, и в высшей степени обидно. Такое отношение к болезни выразилось в приказе по армии главнокомандующего М. Д. Горчакова. «С самого вступления нашего в Придунайские княжества, где, как известно, чрезвычайное обилие всяких овощей и фруктов, потребление которых в значительном количестве людьми, к ним непривычными, может быть губительно, наше высшее начальство обра-

102 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 2. М., 1890. С. 13.

тило на этот предмет строжайшее внимание»¹⁰³. Горчаков запретил «употребление в пищу как овощей в сыром виде, так и плодов»¹⁰⁴, и призвал войска одуматься, объясняя, что глупо и стыдно жертвовать своею жизнью, нужною отечеству, из-за какой-нибудь дыни или арбуза! Опасения Алабина по поводу возможного распространения в войсках эпидемических болезней не оправдались. В отличие от англо-французской армии, медицинская ситуация в русских войсках во время их пребывания в Дунайских княжествах оставалась, в целом, благополучной. За этот период в Дунайской армии, по данным генерал-штаб-доктора этой армии Н. Я. Чернобаева, умерло от ран и болезней 13 947 человек¹⁰⁵. Отношение умерших к числу больных здесь было следующее: в лазаретах — 1:13, в военно-временных госпиталях — 1:18, в постоянных госпиталях — 1:9,5. Если учитывать, что соотношение умерших и общего числа заболевших, которое признавалось высшим военным командованием допустимым в войсках, равнялось 1:12¹⁰⁶, то можно сказать, что смертность от ран и болезней в русской армии во время дунайского похода была невысока.

Но в Крыму медицинская ситуация не была столь благоприятной. В результате опоздания мероприятий высшего военного командования по организации медицинской помощи войскам Крымской армии и неожиданно больших боевых потерь на этом театре военных действий, среди войск стали развиваться эпидемические болезни, прежде всего тифозные лихорадки. По данным исследователей Н. Соловьева и Н. Стефановского, за все время осады Севастополя от ран умерло 15 820 человек¹⁰⁷, от болезней — 80 689 человек¹⁰⁸, всего — 96 509 человек. Отношение умерших от ран к умершим от болезней было 1:5. Участники обороны на себе прочувствовали, что значит крымские лихорадки, которые, как правило, принимали тифозный характер. Многочисленные рассказы о недостатках крымских госпиталей, где доктора и смотрители наживаются за счет больных, которые лежат в кровавом белье на червивых тюфяках с неперевязанными ранами, еще более усиливали страх в войсках перед госпи-

103 Там же. С. 85.

104 Там же.

105 Чернобаев Н. Я. Годовая ведомость о числе больных воинских чинов в военно-временных госпиталях, сформированных для войск Южной армии, равно в госпиталях постоянных в районе этих войск находящихся, с 1.11 1853 г. по 1.11 1854 г. // Военно-медицинский журнал. 1857. Т. 70. Военно-медицинская статистика.

106 Кручек-Голубов В. С., Кульбин Н. И. Исторический очерк развития и деятельности военно-медицинского ведомства в царствование императора Николая I // Столетие Военного министерства. 1908. Т. 8. Ч. 2. С. 159.

107 Соловьев Н., Стефановский Н. Очерки санитарного состояния Крымской армии в кампанию 1854–1856 гг. Вып. 3 С. 39.

108 Там же. С. 45.

талями и болезнями. Подпоручик В. В. Безобразов вспоминал, что, служа на четвертом бастионе в самое опасное время (в первый период осады Севастополя неприятельский огонь был сосредоточен в основном против этого бастиона), более всего боялся заболеть: «И все мои героические фантазии, все блестящие надежды лопнут, как мыльные пузыри, в убийственной атмосфере какого-либо госпиталя!»¹⁰⁹. Больным сострадали, но в городе, где со временем даже смерть от оружия стала явлением будничным, на них не обращали внимания. В воспоминаниях участников только один раз встретилось упоминание о славной смерти больного. Речь шла о графе М. М. Виельгорском-Матюшкине, который был послан в Крым «для оказания помощи раненым, больным и нуждающимся и принятия и распределения пожертвований, изобильно притекавших, по призыву Государыни, со всех, иногда самых отдаленных уголков нашего Отечества»¹¹⁰. Денежное вознаграждение воинов за жертвы, понесенные перед отечеством, не было явлением исключительным в императорской России. Но под этими патриотическими жертвами военным и гражданским сообществом традиционно понимались ранение и смерть от неприятельского оружия. Потому основная доля пожертвований распределялась между ранеными и семьями убитых. Чиновник по особым поручениям, состоящий при канцелярии Морского министерства, статский советник Б. П. Мансуров, который был направлен в Крым для раздачи денежного пособия раненым морским чинам, вскоре попросил разрешения помогать также и больным, которым общественное мнение уделяло значительно меньше внимания. По мнению Мансурова, это было несправедливо: «Мое поручение относится исключительно до раненых, и потому на больных я обращать внимания не могу: между тем весьма часто поражает меня разница, между моряком, получающем легкую рану, удерживающую его в госпитале неделю или две, и таким же может быть храбрецом, которого пули и ядра пощадили, а лихорадка и тиф поставили на край смерти. Не далее как в офицерском госпитале подле лейтенанта князя Путятина, у кого пуля оторвала сережку уха, лежит страдающий тифозною горячкою офицер, заболевший на бастионе; одному я обязан выдать по желанию пособие, а у другого могу только спросить о положении здоровья, тогда как быть может, он пролежит месяца два и беднее других»¹¹¹. Безусловно, то же самое видел Виельгорский-Матюшкин. Со временем больным он стал оказывать не меньшую заботу, чем раненым. Постепенно в глазах медицинского администратора смылась разница между страданиями от пуль или от тифа, но в глазах обществен-

109 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 731.

110 Таборовский А. О. Когда и где положено основание общества Красного креста // Русская старина. 1889. Т. 63. № 7. С. 191.

111 ГА РФ. Ф. 722 (Мраморного дворца). Оп. 1. Д. 214. Л. 36 об.

ного мнения, в том числе севастопольского, она продолжала быть сильной. В одном из симферопольских госпиталей граф заразился тифом и, несмотря на усилия врачей, в скором времени умер. Его смерть от тифозной лихорадки один из севастопольцев назвал завидной, как и смерть любого человека, который до конца исполнил свой гражданский долг.

Но, конечно, не все относились с пренебрежением к болезни, а госпитали не всегда вызвали невольное чувство страха. Порой в них отправлялись отдохнуть от военных действий. Участники рассказывали, что тяжелая севастопольская атмосфера постепенно истощала их нравственные и физические силы. Бледное лицо, впалые воспаленные глаза, общая худоба — таков был характерный облик севастопольцев к концу осады. Некоторых буквально насильно выпроваживали из города под предлогом выдumanной болезни, опасаясь, что в случае ее действительного появления, организм человека с ней не справится. За городом, вдали от военной суеты и шума, утомленные защитники быстро приходили в себя. «Свежий воздух, зелень и тень, веселые, беззаботные лица, места, где не было слышно непрерывной пальбы, стона раненых и умирающих — все это в одни сутки воскресило полубольного», — вспоминал П. К. Меньков о своем пребывании в бельбекском лагере¹¹². Но надо сказать, что не все достойно пользовались возможностью такого «отпуска». В медицинских мемуарах упоминались слухи, что некоторые офицеры отсиживались в госпиталях за казенный счет, хотя были вполне здоровы. Не всегда подобные слухи были беспочвенны. Гусарский поручик И. Дунин-Карвицкий, вспоминая о крымской кампании, говорил о своем друге, который, не желая участвовать в военных действиях, пытался уйти в отставку по болезни, хотя сам был совершенно здоров: «Потом он должен был подать рапорт о болезни и зачислиться в главный военный госпиталь в Одессе, чтобы легче добиться отставки, действительно им полученной, хотя и с трудом, перед заключением мира. Я виделся с ним еще довольно часто в Одессе, куда вскоре прибыл весь полк; я навещал его там в госпитале, где он вынужден был жить, дорого оплачивая свою относительную свободу»¹¹³. Один симферопольский врач сам был свидетелем, как офицер с перевязанной правой рукой усердно крестился левой, тем не менее, в пылу забывчивости давал громкую затрещину своему денщику правой¹¹⁴. Подобные случаи заставили главнокомандующего обратить на этот предмет особое внимание: «Усмотрев, что под благовидными предложениями множе-

112 Меньков П. К. Указ. соч. С. 368.

113 Дунин-Карвицкий И. Воспоминания офицера, служившего во время крымской кампании в лейб-гусарском Павлоградском Его Величества Императора Александра II полку. Киев, 1902. С. 106.

114 Л-ский И. Указ. соч. С. 261.

ство офицеров убираются из Севастополя, князь Горчаков решительно воспретил выезжать офицерам из Севастополя для лечения, без особого в действительной необходимости этого выезда засвидетельствования доктора, — писал П. В. Алабин. — В таком же роде последовал приказ по гарнизону и относительно нижних чинов, которых, в случае необходимости оставить Севастополь по болезни, предписано присылать для освидетельствования на центральный перевязочный пункт, где им будет выдаваться особый билет, с которым они, через посредство жандармского офицера, будут препровождены из Севастополя»¹¹⁵.

Южная часть Севастополя была оставлена по общему приказу от 27 августа 1856 года. Защитники уходили из Севастополя и с тяжелым чувством, и одновременно с радостным оттого, что они выжили. «Действительно, в говоре людей слышалось более радости, чем грусти, — вспоминал священник Петропавловской севастопольской церкви А. Г. Лебединцев. — Слышались и слова сожаления о пролитой крови, о павших товарищах. Суетились и кричали об оставших людях или забытых, нужных вещах. Но всяк видимо ускорял шаги от бывшей беды и шел как бы на верный отдых»¹¹⁶. Алабин вспоминал, что при отступлении в нем больше говорило чувство национального унижения, стыда за честь русского мундира. Но чем дальше автор уходил от Севастополя, тем меньше его терзали тягостные мысли, и тем больше хотелось погрузиться в мир и покой семейного уюта. Его опубликованный дневник кончался фразой: «О, как сладостно возвращаться с продолжительной войны и знать, что есть на белом свете существа, которым дорого твое существование, которые ждут тебя»¹¹⁷. Пережившие оборону севастопольцы еще долго помнили войну. В своих воспоминаниях они рассказывали, как трудно было уснуть первое время в тишине и как порой они просыпались ночью от кошмаров военных картин. Один из участников вспоминал про свои послевоенные впечатления: «В госпитале через две недели я начал оправляться; доктор разрешил мне выйти пройтись. Помнится, я шел тихо, о чем-то задумавшись; улица была не людная, проезжающих никого не было и никто не нарушал тишины; между тем на противоположной стороне улицы, позади меня, из переулка вышла дама в шелковом платье. Шелест этого платья напомнил мне полет бомбы, когда она, поднимаясь на высоту и вертясь около оси, делает поворот дуги, чтобы падать. Я вздрогнул и оглянулся. Узнавши в чем дело, сконфузился за свою слабость, и пошел обратно в госпиталь»¹¹⁸. Такие ощущения испытывали многие из бывших защитников Сева-

115 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 427.

116 Лебединцев А. Г. Письма протоирея Арсения Лебединцева. Киев, 1896. С. 144.

117 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 692.

118 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 175.

стополя: дуновение ветра, полет птицы они еще долго принимали за свист пуль и бомб.

Николаевские войска, воспитанные в духе патриотизма и самопожертвования во имя России, отправляясь на предполагаемую войну с Турцией в 1853 году, в целом, готовы были в очередной раз продемонстрировать всему миру силу русского оружия. Физические и нравственные тяготы военных действий, как и прежде, преодолевались усиленной деятельностью, «воинственным настроением духа ... долгом присяги и чести и строгим сознанием своей важной обязанности»¹¹⁹. Однако осадная война в Крыму с войсками и флотом коалиции потребовала беспрецедентного напряжения человека-воина.

Оборона Севастополя вышла за рамки традиционных представлений военного сообщества того времени о войне. Севастопольскую кампанию в определенной степени можно считать прообразом мировых войн XX столетия. Союзниками было выпущено 1 350 000 снарядов, русской стороной за все время обороны — 1 027 000. «Цифры эти будут превзойдены лишь шестьдесят лет спустя (и при совершенно иной технике) под Верденом», — отмечал А. А. Керсновский¹²⁰. Крымский театр военных действий принес русской армии около 81 247 раненых и контуженных, 40 548 убитых и умерших от ран¹²¹. В результате войны практически прекратил свое существование Черноморский флот. Из 25 000 морских чинов, находившихся на службе в Севастополе во время войны, было убито и умерло от ран около 16 000¹²². Даже самые высокие патриотические чувства, профессиональный опыт и закалка, повышая боевой дух, были не в состоянии устранить естественный предел человеческих нравственных и физических сил. К концу обороны, по воспоминаниям участников, общее переутомление гарнизонных войск дошло до крайности. Люди теряли аппетит, почти не переносили отсутствие многочасового сна в течение суток (засыпали они даже под гул артиллерийского огня), легкие ранения стали сопровождаться тяжелыми осложнениями. Новая по возросшей разрушительной мощи оружия война, в целом, предъявила повышенные требования к военному командованию по рациональному расходованию запаса моральных и физических сил личного состава войск. Довольно примитивная тогда еще система медицинской помощи не справлялась с задачей лечения организма, подорванного беспримерным напряжением. Залогом успешного лечения в то время считалось свободное размещение больных и устранение причин,

119 Из дневника... // Библиотека для чтения. 1856. № 9. С. 24.

120 Керсновский А. А. История русской армии. Т. 2. М., 1993. С. 145.

121 Стефановский Н., Соловьев Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 39, 47.

122 Ляшук П. М. Офицеры Черноморского флота, погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 гг. Симферополь, 2005. С. 6.

нарушающих их душевное спокойствие. Но специфика крымского театра военных действий не позволяла этого достигнуть. В результате распространение эпидемий в госпиталях, переполненных ранеными, носило характер вполне закономерный. Предотвратить их медицина того времени была не в состоянии. Выжившие благодаря умению свыкнуться с обыденностью военной жизни осажденного города и развить в себе хладнокровие при исполнении служебного долга участники обороны еще долго, а чаще до конца своей жизни, обречены были испытывать негативные последствия войны на своем здоровье.

